

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС И РАЗВИТИЕ САМОДИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Если исходить из реконструируемого состояния самодийской глагольной парадигмы, то словоизменительная система прасамодийского представляет довольно бедной. Однако современное состояние каждого из самодийских языков характеризуется многообразием словоизменительных форм. Сопоставление структуры финитных и инфинитных форм глагола в языках самодийской группы позволило исследователям высказать предположение, что маркерами новых времен и наклонений становились в этих языках простые и усложненные суффиксы глагольных имен — отглагольных образований, которые в зависимости от синтаксической позиции выступали как представители то класса имен, то класса глаголов, и получали при этом соответствующие морфологические характеристики (см., например, Künnar 1978). Однако сам механизм развития самодийских финитных и инфинитных форм на базе глагольных имен оставался не раскрытым. Его пониманию способствует изучение функционирования парадигматических форм селькупского глагола в структуре предложения и особенно в полипредикативных конструкциях.

Под полипредикативными конструкциями понимаются конструкции как единицы языка, в соответствии с которыми строятся речевые явления — фразы. Эти фразы могут быть моносубъектными (с единым субъектом действия для главной и зависимой частей) и разносубъектными (Черемисина 1980). Поскольку фразы строятся в соответствии с моделями, на уровне моделей возможны моно-, разно- и вариативносубъектные (допускающие как моно-, так и разносубъектную реализацию) полипредикативные конструкции.

Полипредикативные конструкции могут быть аналитическими и синтетическими. С инфинитными формами они представляют собой конструкции синтетического типа, с финитными формами глагола в обеих частях — аналитического. Среди синтетических полипредикативных конструкций выделяется подкласс аналитико-синтетических, в которых за формой зависимого сказуемого следует послелог, служебное слово или частица.

В системе селькупского глагола выделяются два функциональных подкласса словоформ: финитные (формы наклонения, формы с темпоральным значением) и инфинитные (деепричастия, причастия, инфинитив, имена действия). Функциональное подразделение словоформ на финитные и инфинитные

нитные практически совпадает с их морфологическим подразделением на личные и неличные, способные или неспособные получать показатели лица (-числа). Финитные формы могут выступать в роли предикатов автономных предложений, их предикативная функция заключается в способности делать предложение формально законченным, завершённым. Инфинитные формы, с одной стороны, не имеют ориентации исключительно на предикативную функцию, с другой — сохраняют важнейшие свойства глагола вступать в предикативные отношения с именными формами, организуя предикативный центр зависимого блока полипредикативных конструкций. При этом показатели инфинитных форм выступают одновременно и показателями связи, отношения зависимости от главной части полипредикативных конструкций. Но инфинитные формы, как правило, не могут заканчивать предложения и быть предикатом самостоятельных, автономных предложений.

Образованные от глагольных основ имени действия и дееспричастия обладают событийным характером и выступают в рамках полипредикативных конструкций как знаки ситуаций, но внеязыковые ситуации они отражают менее полно, чем предложения: для таких предикативных единиц характерна невыраженность модально-временного плана, он проецируется на инфинитную форму от доминирующей над ней финитной. Причастия формируют конструкции, более близкие к предложению: помимо вида, они обладают, например, категорией временной отнесенности (времени), поэтому могут обозначать события более дифференцированно.

Полипредикативные конструкции с зависимой частью на основе инфинитных форм имеют и другой коммуникативный недостаток: они допускают неоднозначность толкования характера связей между означаемыми внеязыковыми ситуациями. Получить полное представление о ситуациях, связях и отношениях между ними можно лишь в сложных предложениях, которые объединяют простые с помощью служебных слов — союзов или их функциональных аналогов. В селькупском языке такие предложения в настоящее время получают развитие.

Глагольно-именные образования и собственно глагол расходятся и по способу выражения синтаксического лица. Если в глаголе оно практически всегда (исключение — 3 л. наст. вр. индикатива от основ, связанных с существительными отношениями конверсии) передается морфологическими средствами, то у глагольно-именных образований разносубъектных полипредикативных конструкций в локализации содержания предикативной группы относительно речевой ситуации участвует подлежащее-субстантив: личное местоимение, существительное и другие эквиваленты последнего. В моносубъектных полипредикативных конструкциях значение синтаксического лица может распространяться на предикативную глагольно-именную форму со стороны финитного глагола. Субстантивы зависимой части полипредикативных конструкций на основе глагольно-именных образований либо не дифференцируют номинатив и генитив морфологически (падежный синкретизм местоимений 1 л., 2 л. — сев., юж.), либо допускают формы двух падежей параллельно (местоимение 3 л., существительное — юж.).

Сферы употребления финитных и инфинитных форм глагола в селькупском языке пересекаются в зависимой части разносубъектных полипредикативных конструкций. Обычно это синтаксические структуры бессоюзного типа, допускающие введение подчинительных союзов, нередко заимствованных из русского языка. Особенно показательным, что сфера употребления финитных и инфинитных форм, содержащих в своей структуре одинаковые

суффиксальные элементы, сходится в одном и том же семантическом типе таких конструкций. Формы временной отнесенности вербальной репрезентации — глагола (прежде всего презенс II), передающие одновременность действия ситуативному моменту, как и формы временной отнесенности адъективной репрезентации — причастий-определений — объединяет функционирование в полипредикативных конструкциях, части которых связаны между собой дополнительными, изъяснительными отношениями. Причем в селькупском вообще доминирует такой тип определительных конструкций, в которых определяемое существительное является объектом действия (кет. *temd̄i kon-žurn̄iŋ ütman čača-nde ƙarra tačček čača-nde* 'тут он видит (презенс I): по воде журавль идет (презенс II), близко идет (презенс II)'; *ter kon-žurn̄iŋ ütman čača-nd̄i ƙarra* 'он видит по воде идущего (причастие одновременности / настоящего времени) журавля' (Мартынова 1993 : 116)).

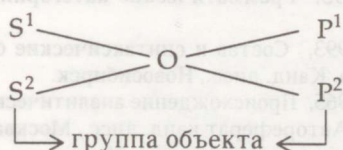
Формы простого деепричастия и оптатива связаны использованием в полипредикативных конструкциях временной соотнесенности (/ > условия): нар. *tab tö-la kadeleşpeƙ* '(когда, если) он придет (оптатив), скажи'; *tab̄in kad-le tab ƙbedž̄ida* '(если) ему рассказать (букв. его (ген.) рассказав (простое деепричастие), он рассердится)'; формы 3 л. императива и целевого деепричастия / супина объединяет занятость в целевых конструкциях: нар. *örč̄ȳt ƙaj̄n ā koštija* 'спрятал, чтобы никто не нашел (букв. кто-что (ген.) + отрицательная частица ā 'не' + чтобы-найти (целевое деепричастие))'; кет. *moturn̄iŋ kalije* 'попросил, чтобы он остался (букв. он-пусть-останется (императив))'. Если материальная идентичность суффиксальных элементов в названных инфинитных и финитных формах свидетельствует о наличии у них общих источников — суффиксов глагольных имен, то совпадение сфер функционирования указывает, что употребление последних исходно было связано не с простым предложением. Обладающие событийным характером, но не способные представлять ситуацию в достаточной полноте, глагольные имена, как и современные инфинитные формы, были функционально привязаны к финитному глаголу (ср. для прауральского: Хайду 1985 : 227).

Полипредикативные конструкции, где пересекаются сферы употребления инфинитных и финитных глагольных форм, содержащих в своей структуре одинаковые суффиксальные элементы, имеют следующие особенности. Конструкции, зависимая часть которых строится на основе простого деепричастия, всегда монофинитны. Маркер инфинитной формы выступает в них средством выражения обстоятельственной (временной) связи между главной и зависимой частями. Морфологическое оформление инфинитной формы идентично возможному оформлению существительного в соответствующей синтаксической позиции (-ø). Связь между субъектом и предикатом зависимой части может быть выражена показателем синтаксической связи двух существительных (-n генитива), предикативная связь морфологического выражения не получает. Зависимая часть таких конструкций передает действие любого временного плана, который задается соответствующим планом конечного сказуемого. Если отношения между субъектом и предикатом зависимой части не получают морфологического выражения, то зависимое сказуемое при субъекте — существительном или местоимении в форме ном. ед.ч. — за счет нулевого показателя обстоятельственной связи остается недифференцированным в плане категориальной отнесенности словоформы (оптатив / простое деепричастие): нар. *era (ƙup, tab) tö-le kadeleşpeƙ* '(если) старик (человек, он) придет (оптатив), скажи' (= 'старик (человек, он) придя (простое деепричастие), скажи').

форма существительного или местоимения, синкретичная в отношении значений падежа субъекта действия и падежа связи между двумя именами. За ней следовало глагольное имя, у которого внешняя функция обстоятельства и внутренняя функция предиката не получали морфологического выражения. Выделение морфологическими средствами внешней функции глагольного имени, связанное с оформлением членов обстоятельственного блока по типу существительных в соответствующей синтаксической позиции, вело к появлению форм деепричастий. Выделение морфологическими средствами внутренней функции предиката, связанное с оформлением глагольного имени личными окончаниями — признаками коммуникативной автономности, способствовало интеграции последнего в систему личных, а затем финитных форм глагола.

Семантика глагольного имени, которое при морфологическом выделении у него функции предиката входило в систему финитного глагола, формировалась с учетом выполнения глагольным именем и других функций, благодаря чему его значение более конкретизировалось. Так, полное содержательное соответствие целевого деепричастия и императива в полипредикативных конструкциях обусловлено специализацией породившего их глагольного имени прежде всего на выполнении целевой функции, связанной с перспективной ориентацией процесса во времени (ср. тем не менее возможность использования императива (долженствовательно-предназначительного наклонения) в качестве зависимого предиката конструкции временной соотнесенности ($/ >$ условия) — раздел, посвященный функциональной транспозиции в сфере наклонений, Кузнецова 1995 : 104—109). Семантические расхождения между формами простого деепричастия и опатива (сужение, конкретизация модально-временного значения) в идентичных конструкциях согласуется с параллельным использованием простого деепричастия в качестве обстоятельства цели (Кузнецова 1995 : 192).

Грамматическое выделение форм — конститuentов категории временной отнесенности глагола в европейских языках связывают с преобразованием определенного типа синтаксических построений, в которых причастия выступали в качестве незамкнутого расширения ($N_{\text{Nom.}} + V + N_{\text{Acc.}} + \text{Part.}$). В таких причастиях предикативная, атрибутивная, а иногда и обстоятельственная функции еще не были дифференцированы и выступали как речевые реализации некой синкретичной функции (Кацнельсон 1949 : 280—281; Ярцева 1962 : 220; Смирницкая 1965 : 6; ИТМГЯ 32). Сопоставление сфер функционирования причастий-определений и форм временной отнесенности глагола дает основание полагать, что в селькупском языке эти формы генерировали полипредикативные конструкции, образующиеся на базе простых трехчленных предложений за счет расширения объекта:

В позиции P^2 в них выступали глагольные имена, способные в сочетании с существительным или местоимением более или менее конкретно представлять языковые ситуации. Фиксированный порядок членов предложения в уральских языках SOP допускал линейное расположение членов рассматриваемых полипредикативных конструкций в двух вариантах. В одном из них глаголь-

ное имя оказывалось в препозиции к объекту: $S^1 S^2 P^2 O P^1$, в другом — в постпозиции: $S^1 S^2 O P^2 P^1$. Постпозиция глагольного имени объекту оценивалась как предикативная, и глагольное имя могло получать в ней соответствующую морфологическую маркировку личными окончаниями. Это вело к включению глагольного имени в систему личных и, далее, финитных форм глагола. Препозиция глагольного имени объекту оценивалась как атрибутивная позиция и также получала в дальнейшем соответствующее морфологическое оформление.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сказать, что становление финитных и инфинитных глагольных форм на базе глагольных имен, очевидно, было связано со способностью последних образовывать полипредикативные конструкции, где глагольные имена выполняли одновременно две функции: внешнюю функцию обстоятельства или определения по отношению к главной части и внутреннюю функцию предиката в зависимом блоке. Морфологическая невыраженность внешней и внутренней функций у глагольных имен была обусловлена недостаточным развитием словоизменительной морфологии. Развитие последней привело к тому, что у глагольных имен внешняя и внутренняя функции начали выделяться морфологическими средствами. Выделение внешней функции привело к появлению инфинитных форм, конечные суффиксальные элементы которых идентичны показателям существительных и прилагательных в соответствующей синтаксической позиции. С выделением у глагольных имен внутренней функции предиката за счет присоединения личных окончаний создавались предпосылки для разделения частей полипредикативных конструкций, глагольные имена включались в систему финитного глагола, конкретизировали свою семантику и занимали определенное место в словоизменительной парадигме. Схожий механизм выделения финитных и инфинитных форм из глагольных имен мог иметь место на самодийском уровне, а затем и в сепаратной истории развития каждого из самодийских языков.

Сокращения

Диалекты селькупского языка: кет. — кетский; нар. — нарымский; обск. — обский.
ИТМГЯ — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола, Москва 1977.

ЛИТЕРАТУРА

- Кацнельсон С. Д. 1949, Историко-грамматические исследования, Москва—Ленинград.
Кузнецова Н. Г. 1995, Грамматические категории южноселькупского глагола, Томск.
Мартынова Е. И. 1993, Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Канд. дисс., Новосибирск.
Смирницкая О. А. 1965, Происхождение аналитических форм перфекта в древних германских языках. Автореферат канд. дисс., Москва.
Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
Черемисина М. И. 1980, О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения. — Полипредикативные конструкции и их морфологическая база, Новосибирск, 154—180.
Ярцева В. И. 1961, Исторический синтаксис английского языка, Москва—Ленинград.
K ü n n a r, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

POLYPREDICATIVE SYNTAX AND DEVELOPMENT
OF SAMOYED VERBAL PARADIGM

The present article deals with discovering the mechanism of the development of finite and non-finite verb forms in Samoyed languages on the basis of derived deverbal formations traditionally called verbal nouns. The dependent parts of polypredicative constructions served as the sphere of usage of verbal nouns. In these constructions verbal nouns performed two functions: the external (outer) function of the adverbial and the attribute with respect to the main part and the internal (inner) function of predicate in the dependent block. Initially the two functions were not expressed morphologically in verbal nouns. The distinction by morphological means of the external function led to the formation of modern non-finite forms: nouns of action, gerunds, participles. The distinction by morphological means of the internal function had as a result the integration of verbal nouns in the system of finite verbs and their transformation to mood forms and tense forms.